

Некоторые замечания по вопросу интерпретации истории революционного процесса в Китае 20-х годов XX века¹

© 2015

А. Картунова

Статья посвящена небывалому интересу историков-исследователей разных стран, особенно Китая, в первом десятилетии XXI в. к проблемам китайской революции 1925–1927 гг. Автор указывает на множество появившихся в последнее время публикаций, основанных на ранее засекреченных документах, и полемизирует по ряду вопросов трактовки революционного процесса в Китае в 1920-е гг.

Ключевые слова: революция, Северный поход, Коминтерн, ВКП(б), КПК, ГМД, ошибки, поражение.

Китайская революция 1925–1927 гг. на протяжении многих десятилетий XX в. неизменно привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей благодаря ее выдающейся роли в новейшей истории Китая. Из революции Китай вышел уже во многом другой страной.

В 1990-е годы и в первом десятилетии XXI века у историков появился огромный массив ранее засекреченных и не доступных для исследователей документов и материалов. Особый интерес представляют протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) - ВКП(б), протоколы заседаний Китайской комиссии Политбюро, письма, отчеты, телеграммы представителей Коминтерна (далее — КИ) и представителей различных советских ведомств в Китае, множество других, также неизвестных прежде, документов и материалов².

Эти документы позволили по-новому увидеть многие давно известные факты и реальные причины событий, закрыть ряд «белых» пятен, глубже понять причины провалов тактики ВКП(б) и КИ, разработанной в Москве и направляемой в виде директив представителям КИ в Китае и руководству КПК. Стали понятнее истинные мотивы Москвы, оказывавшей финансовую помощь, поставлявшей вооружение и командировавшей советников Гоминьдану и Национальным армиям Фэн Юйсяна, причины корректирования политики и тактики Советского Союза в Китае, особенно в 1926 г., подробности роли ВКП(б) и КИ в китайской революции 1925–1927 гг. Они также дали возможность более глубоко и объективно, конкретно и аргументировано ответить на вопрос о причинах поражения революции.

Характер оценок причин поражения революции в отечественной и зарубежной историографии конца 1920-х — 1950-х годов, в том числе в решениях IX пленума ИККИ (февраль 1929 г.), а также в публикациях 80-х — 90-х годов китаистам известны, и я не буду на этом останавливаться.

Недавно в КНР был опубликован «Обзор исследований за 10 лет о причинах поражения Великой революции». Этому обзору предпослана небольшая вступительная статья Чжэн Гоужуя, который, подводя итоги работы исследователей, изучающих в первое десятилетие XXI века причины поражения Великой революции, отмечает, чтоистики всесторонне и объективно рассматривают этот важный вопрос. Обзор, объемом в 15 страниц китайского текста, опубликован в «Дандэ вэньсянь» (Документы партии. 2012. № 3).

В обзор включены краткие сведения и выводы китайских авторов многих десятков статей. Статьи сгруппированы по ряду проблем Великой революции 1924–1927 гг. Назовем некоторые из них: Коминтерн и поражение Великой революции; недостатки [ошибки] восточной стратегии Коминтерна; переоценка силы ГМД со стороны Коминтерна и недооценка сил КПК; об ошибках «левого» и правого уклонов Коминтерна; об ошибках Чэнь Дусю; о теоретических ошибках Бородина; об ошибках теории Бородина и его большой ответственности за поражение революции; о последствиях передачи М.Н. Роем «майской директивы» Ки Ван Цзинвэю; об ошибках Сталина в его оценке Чан Кайши, затем Ван Цзинвэя; об ограниченности политики трех этапов [строительства государства] Сунь Ятсена, которыми воспользовались «правые» в ГМД, способствовавшие поражению Великой революции; об отношениях ГМД и КПК и поражении Великой революции; о соотношении сил ГМД и КПК; о гегемонии пролетариата и поражении Великой революции; отношения внутри партии [ГМД] и поражение Великой революции и др.

Я перечислила здесь, возможно, лишь половину разделов и подразделов. Но и этого достаточно, чтобы представить, какой широкий спектр проблем этой революции интересует исследователей в наши дни. А если к этому добавить многие специальные монографии по истории революции 1925–1927 гг. и ее проблемам, а также опубликованные материалы международных научных конференций в Пекине (1997 г., 2004 г.), в Берлине (1988 г.) и на Тайване (1999 г.)³, прошедших в связи с выходом в свет первых двух томов 5-томного (в 8 книгах) сборника документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай», на которых проблемы китайской революции, роли в ней Советского Союза и КИ, причины ее поражения также были в центре внимания, если еще иметь в виду неучтенные публикации о революции 1925–1927 гг. и монографии и статьи российских, китайских и западных историков, то получается впечатляющая картина неиссякаемого интереса историков к проблемам Великой революции, особенно в первое десятилетие XXI века.

На этом фоне выглядит по меньшей мере странно, что в вышедшем в Москве в прошлом году 7-ом томе⁴ десяти томного издания «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» национальная революция 1925–1927 гг. фактически «исчезла», о ней нет не только отдельного раздела, но даже никаких прямых упоминаний, словно бы революции 1925–1927 гг. и не было в истории Китая.

Отметим, например, что в изданной в 2002 г. в КНР «Истории Компартии Китая 1921–1949» революции 1925–1927 гг. отведена большая глава объемом 149 страниц. Во всех изданиях по истории Китая имеются главы или разделы об этой революции. Во всех без исключения отечественных книгах по истории Китая читатель обнаружит основательные статьи с анализом событий в революции 1925–1927 гг. и причин ее поражения.

В 7-м томе глава VI (части первой) называется: «Гоминьдан и национальная революция. От Кантонского правительства Сунь Ятсена (1923 г.) до установления власти Гоминьдана в Нанкине» (автор главы Н.Л. Мамаева, она же редактор всего тома). Читатель здесь не найдет, что же это была за «национальная революция», когда она началась и когда закончилась. Приходится догадываться, исходя из текста, что речь идет, видимо, о некой революции 1926–1928 гг., то есть от начала Северного похода НРА с июля 1926 г. по октябрь 1928 г. до занятия ей Пекина. А, как известно, после разрыва отношений уханьским ГМД с КПК 15 июля 1927 г. ГМД продолжал военный поход НРА без участия революционных масс. Революция была подавлена, КПК вела только арьергардные бои.

Завершался первый, военный этап трехэтапного «строительства государства» по учению Сунь Ятсена. Но об этом также умалчивается в книге, в частности, о том, что в указанное время (более года) был уже только военный поход НРА.

Как пишет автор этого раздела Н.Л. Мамаева, II съезд ГМД (1–19 января 1926 г.) «более четко обозначил основную форму своей революционной деятельности — поход на Север и ее главную движущую силу — армию».

«II съезд Гоминьдана, — продолжает автор излагать документы, — четче сформировал позицию партии относительно места массовых движений в национальной революции, митинги, демонстрации, манифестации, движения протеста и забастовки надлежало поставить под партийный контроль. Политика в отношении массового движения в дальнейшем стала причиной основных разногласий между Гоминьданом и КПК. Для Гоминьдана была неприемлемой революционная модель, составной частью которой являлись спонтанное, бесконтрольное движение народных масс, а также вооружение народа». (С. 134). И далее: «Съезд обозначил реформистские черты экономической и социально-политической программы и ее ориентацию на более отдаленную перспективу, т.е. не на текущий военный этап «строительства государства», а на периоды политической опеки и конституционного правления» (с. 134–135).

Таким образом, II съезд ГМД определил ясно: Северный поход НРА — и никаких массовых движений во время его продвижения, и никаких социальных мероприятий. Однако Северный поход поднял к активности миллионные массы китайцев. Поход проходил при широкой и разносторонней поддержке и помощи рабочих и крестьянских масс на фронте и в тылу, поддержке со стороны мелкой городской буржуазии и значительной части национальной буржуазии, симпатий со стороны радикальной интеллигенции, различных общественных организаций, демократических кругов китайского общества.

В то же время главным направлением деятельности КПК в начавшемся Северном походе была политическая работа — тактика во взаимоотношениях с ГМД, а также мобилизация и организация революционных сил рабочего класса и крестьянства для вовлечения их в революцию, организации рабочих и крестьянских союзов. Существенной была и военная деятельность КПК, осуществлявшаяся Военной комиссией ЦК КПК, и работа коммунистов в подразделениях НРА и враждебных армий.

Национальная революция, начавшаяся с антиимпериалистического «Движения 30 мая» 1925 г., буржуазно-демократическая по своему характеру, развивалась неравномерно. С началом Северного похода НРА она стала стремительно набирать силу. Основные революционные выступления китайских рабочих на освобожденных территориях вылились в невиданный в истории Китая подъем рабочего движения, сопровождавшийся стремительным ростом профсоюзов и стачечного движения, в котором они выставляли экономические и политические требования лучшего обращения с рабочими со стороны предпринимателей. Большинство выступлений руководила КПК через профсоюзы, но немало было и спонтанных забастовок.

В деревне КПК пропагандировала «переходные» требования: снижение арендной платы, ссудного процента, налогов и т.д. Июльский (1926 г.) расширенный пленум ЦИК КПК особо выделил вопрос о крестьянском самоуправлении и вооружении крестьян, поскольку без вооружения «они бессильны».

К концу 1926 г. Национальная революция достигла наивысшего подъема. VII расширенный пленум ИККИ (22 ноября — 16 декабря 1926 г.) принял «Резолюцию о положении в Китае» от 16 декабря, в которой содержались в развернутом виде основные вопросы стратегии и тактики, предназначенные для КПК в китайской революции на текущий этап и на перспективу, как их понимали в Москве. Главными решениями, изложенными в резолюции в самом сжатом виде, были установки на: завоевание гегемонии пролетариата в революции, аграрно-крестьянскую революцию и некапиталистическую (т.е. социалистическую) перспективу развития революции. Все эти решения были неоп-

равданным забеганием вперед и резким «левым» поворотом в отношении ГМД. Все это было несовместимо с учением о строительстве государства, разработанным Сунь Ятсеном. Для ГМД было неприемлемо превратиться в рабоче-крестьянскую партию, на что КИ ориентировал КПК.

Об этом в 7-м томе материал имеется, но ни слова о подъеме революции 1925–1927 гг.

А национальная революция продолжала развиваться независимо от ГМД. Победоносно завершилось вооруженное восстание в Шанхае 21–22 марта 1927 г.: его участники — 800 тыс. горожан в ожидании подхода к городу частей НРА самостоятельно очистили Шанхай от милитаристов. По инициативе коммунистов 22 марта, в день победы вооруженного восстания, был созван городской митинг, на котором избрали народное правительство — Собрание народных представителей Шанхая. Оно избрало временный комитет особого города Шанхая. Чан Кайши, прибывший в Шанхай 26 марта, запретил этому правительству собираться и осуществлять свои полномочия. 12 апреля Чан Кайши совершил в Шанхае контрреволюционный переворот⁵.

12–15 апреля жестокие расправы над коммунистами и революционным пролетариатом произошли в Нанкине, Ханчжоу, Аньцине, Фучжоу, Кантоне. 18 апреля Чан Кайши образовал в Нанкине Национальное правительство, а Уханьское — объявил незаконным.

Этот раздел я завершаю выводом самой Н.Л. Мамаевой о «национальной революции Гоминьдана». Она пишет, что вступлением в Пекин 8 июня 1928 г. войск Национального правительства завершился Северный поход. «Завершилась и национальная революция, основными задачами которой Сунь Ятсен и Гоминьдан провозглашали победу над бэйянскими милитаристами и объединением Китая под гоминьдановской властью» (с. 150–151). Такие задачи, действительно, ставились, но Сунь Ятсен говорил не о национальной революции, а о первом, военном, этапе его учения о «строительстве государства». Поскольку Н.Л. Мамаева не признает очевидный факт национальной революции 1925–1927 гг. в истории Китая, то и историческая «поправка» революционного процесса в 1926 г. — середине 1927 г., в котором принимали участие многие миллионы китайцев, благодаря которому произошел невиданный подъем национальной революции, не учитывается в книге и не укладывается в революционный процесс этих лет.

Я не имею в виду предпринимать разбор всего 7-го тома «Истории Китая», однако, как один из членов авторского коллектива этого тома, не могу пройти мимо некоторых ошибок, допущенных редактором в разделах по истории КПК, ее деятельности и роли в развитии революционного процесса в Китае с 1920 по 1937 г., автором которых я являюсь:

1. В главе 7, часть 1 (с. 160) о Пекин-Ханькоуской забастовке железнодорожников (февраль 1923 г.) написано, что это была экономическая забастовка, что неточно. Это была знаменитая героическая и одновременно трагическая политическая забастовка, подавленная У Пэйфу 7 февраля 1923 г. Кроме того, редактор вписала будто забастовка проходила «под идейным влиянием и при прямой материальной и политической помощи Гоминьдана». В действительности ГМД не имел к этой забастовке никакого отношения, она была организована коммунистами через профсоюзы.

2. В главе 7, часть 1 (с. 162) I-й съезд народов Дальнего Востока, состоявшийся 21 января — 2 февраля 1922 г. (официальное название — Съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока), а написано, что он был созван «во Владивостоке по инициативе Коминтерна». В действительности съезд проходил в Москве — Петрограде, а подготовительная работа к нему — в Иркутске. Этот съезд, широко известный благодаря его исторической роли, в частности имел большое значение для КПК, особенно для осознания ею характера китайской революции на том этапе, и разработки партией новой концепции революции.

3. На с. 163 написано: «В результате переговоров и консультаций между Сунь Ятсеном, представителями Коминтерна и КПК и Гоминьдана было разработано компромиссное решение» (это моя фраза. — *А.К.*), а далее следует: «известное как «августовская инструкция 1922 г.». Согласно этому документу, говорится в книге, предусматривалось *индивидуальное вступление коммунистов в Гоминьдан* при сохранении идейной, политической и организационной независимости КПК» (выделено мной. — *А.К.*) (то же и на с. 118). В действительности, на основании сообщений Г. Маринга, ИККИ в августе 1922 г. разработал Инструкцию своему представителю на Юге Китая, в которой содержался лишь первый слабый намек на форму сотрудничества КПК и ГМД, и никаких рекомендаций в этой инструкции на индивидуальное вступление коммунистов в ГМД еще не содержалось. В названном документе дана директива: «С целью выполнения задач коммунисты должны создать группы приверженцев в самом Гоминьдане и профсоюзах.

Из этих групп должна создаться целая армия пропагандистов, которые будут пропагандировать идеи борьбы против иностранного империализма, за создание Китайской народной республики, за организацию классовой борьбы против иностранных и домашних эксплуататоров»⁶.

Работа Коминтерна по поиску формы сотрудничества двух партий оказалась весьма трудной для ВКП(б) и КИ, и она продолжалась. В результате переговоров, в которых участвовали представители КИ, руководства КПК и ГМД, и дискуссий по вопросу о форме и условиях сотрудничества КПК и ГМД, Коминтерн выдвинул компромиссное решение: индивидуальное вступление коммунистов в Гоминьдан при сохранении политической и организационной независимости КПК и ГМД. По настоянию Г. Маринга и с его участием 29–30 августа 1922 г. в Ханчжоу состоялось чрезвычайное совещание ЦИК КПК, которое после больших колебаний официально приняло тактику индивидуального вступления коммунистов в Гоминьдан при определенных условиях. Однако это решение не осуществлялось. Чэнь Дусю, Ли Дачжао и Г.Маринг посетили Сунь Ятсена и сообщили ему о принятой договоренности на совещании. Сунь Ятсен внимательно выслушал это сообщение и вскоре санкционировал вступление в ГМД Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Цай Хэсяня и Чжан Тайлэя. Но это вовсе не означало, что вопрос об индивидуальном вступлении коммунистов в ГМД был уже практически решен. III съезд КПК (10–19 июня 1923 г.) принял официальное постановление об индивидуальном вступлении коммунистов в ГМД при сохранении политической и организационной независимости КПК. Окончательное решение по этому вопросу было принято на I съезде ГМД (20–30 января 1924 г.).

4. С. 169. Здесь речь идет о всеобщей антиимпериалистической забастовке рабочих, торговцев и студентов Шанхая, начавшейся 1 июня 1925 г. после расстрела полицией мирной демонстрации 30 мая 1925 г. (мой текст. — *А.К.*), и вдруг в последнем абзаце вставлено: «ЦК КПК прислушался к совету Коминтерна (август 1927 г.) (?!?! — *А.К.*) (т.е. после поражения революции. — *А.К.*) о снятии политических лозунгов (таких, как призыв к вооруженному восстанию) и замене их экономическими требованиями, а также о постепенном прекращении забастовочной борьбы».

В действительности чрезвычайное совещание ЦК КПК (7 августа 1927 г.) в присутствии представителя Коминтерна В. Ломинадзе приняло наступательную тактику действий революционных сил — немедленное развязывание аграрной революции, организация вооруженных восстаний в городах. И все это широко известно.

Совершенно очевидно, что редактор спутала решения Коминтерна августа 1925 г. с решением чрезвычайного Совещания ЦК КПК от августа 1927 г.

5. С. 168–171. Заголовок: «Подъем национального антиимпериалистического движения». Здесь речь идет о «Движении 30 мая» 1925 г., но отсутствует указание, что оно положило начало национальной революции 1925–1927 гг. (как я уже писала выше, в книге вообще эта революция не упоминается).

6. С. 171. Последний абзац перед разделом: «Северный поход и развитие массового движения» вставила редактор — это не мой текст о событиях 20 марта 1926 г. (военно-политический переворот Чан Кайши в Гуанчжоу). В то время Чан Кайши еще не мыслил изложенными редактором Н.Л. Мамаевой категориями. Находившийся во время событий 20 марта 1926 г. в Гуанчжоу глава делегации Политбюро ЦК ВКП(б) А.С. Бубнов характеризовал эти события как «маленькое полувосстание, направленное против русских советников и китайских [коммунистических] комиссаров»⁷ и удовлетворил требование Чан Кайши отозвать всю верхушку Южнокитайской группы военных советников. А подготовился Чан Кайши к крупным решениям против КПК к маю 1926 г. (II пленум 2-го созыва ЦИК ГМД 15–22 мая, Кантон).

7. На с. 178 в книге говорится: «Меры Гоминьдана по размежеванию с коммунистами формировались одновременно с *принятием Коминтерном и КПК* (выделено мной. — А.К.) курса на размежевание единого фронта с Гоминьданом». Это вставка редактора не отвечает действительности. Дискуссии имели место и в Москве, и в КПК. Но такого решения КИ не только в мае 1927 г. не было, но даже 7 июля 1927 г. в телеграмме ИККИ ЦК КПК указывалось: «Выход из Нацправительства [двух министров-коммунистов] не означает выход из Гоминьдана». И это соответствовало тактике Москвы, рекомендовавшей КПК в течение всего периода первого сотрудничества КПК и ГМД для достижения своих целей находиться в нем как можно дольше.

8. С. 179. Здесь редактор вставил вместо моего текста от себя 5 строк, посвященных восстанию в Гуанчжоу в декабре 1927 г., известному как Кантонская коммуна. В тексте следует: «Оно (восстание. — А.К.) было лучше подготовлено, чем в других городах, и опиралось на опыт Гонконг-Кантонской забастовки-бойкота 1925–1926 гг. Последнее принципиально неверно, никакую аналогию здесь «притянуть» к кантонскому восстанию невозможно. Упомянутая забастовка-бойкот проходила на территории революционной базы Гоминьдана и финансировалась последним, т.к. ГМД на определенном этапе был заинтересован в ней, а готовившееся подпольно восстание, а не забастовка, еще должно было завоевать Гуанчжоу, и войска двух враждебных генералов подавили Кантонскую коммуну. Из приведенного абзаца, очевидно, что его автор не знаком с документами и материалами об этом восстании, которые известны историкам уже 15 лет. (См., например: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. III. Ч. 1. С. 164–165; С. 165; С. 188–189; признание главкома Е Тина, что в Кантон он прибыл за 6 часов до восстания и не знал никаких подробностей, как было принято постановление о восстании. «Я покинул свой отряд в 9 часов вечера 12 числа и лишь 13 в 4 часа по полудни, — писал Е Тин в Москве, куда прибыл через Европу, — бежал из Кантона». Имеются отчеты об этом восстании Г. Ноймана, Андрея (Семенова) и других, из которых никак нельзя сделать вывод, что Кантонское восстание было хорошо подготовлено.

Не стану приводить множество других недочетов редактирования или вставок целых абзацев, с редактурой которых я не согласна. Это особенно касается заключительной части главы 7-й (с. 180–181), где от моего текста на осталось главных идей.

И все это явилось следствием нарушения обязательного правила — обсуждать с автором предлагаемую редакцию.

1. В китайской историографии в наше время эта революция именуется Великой революцией (да гэмин) 1924–1927 гг. (начиная со вступления в сотрудничество Гоминьдана и КПК на I съезде ГМД (20–30 января 1924 г.) и создания на этой базе единого национального антиимпериалистического фронта. Некоторые китайские историки определяют ее хронологические рамки 1923–1927 гг. (со времен создания Сунь Ятсеном военного правительства в Гуанчжоу). В отечественной историографии за начало революции принято считать «Движение 30 мая» 1925 г.,

исходя из того, что революция — это прежде всего политическое движение масс или партий за изменение существующего строя.

2. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994; То же. Т. 2, ч. 1. 1926–1927. М., 1996; То же. Т. 2, ч. 2. М., 1996; Политбюро ЦК РКП(б) — ЦК ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М., 2004; Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998; В.К. Блюхер в Китае, 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника. М., 2003; Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом. Документы. Август 1923–1926 гг. М., 2008; Большевицкое руководство. Переписка 1912–1927. М., 1996.
3. См.: Эгун мидан юй чжунго гэмин яньцзю: [Секретные архивы РКП(б) и исследование китайской революции]. Харбин, 1998; Гунчаньгоцзи лянъгунбу юй чжунго гэмин Гоцзи сюэши цзю Таохуэй луньбэнь цзю [Коминтерн, советская КП(б) и китайская революция: Сб. выступлений, обсуждавшихся на международ. науч. конф. / Под ред. 1-го Исслед. отд. Центра ЦК КПК по изучению истории партии]. Пекин, 2008; The Chinese Revolution in the 1920s: Between Triumph and Disaster. L.; NY.: Routledge Curzon, 2002; Moscow, Canton, Peking. Early Diplomatic Relations between the Soviet Union and China. Taipei, 2000.
4. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 7. Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. д.и.н. Н.Л. Мамаева. М., 2013.
5. А.В. Виноградов в связи с этим пишет: «Рост политической активности населения и успехи компартии высветили ущербность ГМД, остававшегося закрытой корпоративной структурой. Чан Кайши был вынужден пойти на разрыв с КПК, чтобы лишить коммунистов возможности непосредственного участия в организации органов власти и управления страной, использовавшегося ею для увеличения своего политического влияния. Но главное: разрыв был предопределен исчерпанием коалиционных форм государственного строительства, вызывавших внутренние конфликты и представлявших угрозу уже достигнутым рубежам в деле объединения Китая. — См.: Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд. М., 2008. С. 126–127.
6. Полный текст: «Инструкция ИККИ своему представителю в Южном Китае». См.: Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М., 2001. С. 25–27. — Текст приведен по архивному документу: РГАСПИ.Ф.514. Оп. 1. Д. 19.Л. 11–12.
7. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2. Ч. 1. С. 140.